

Тематические сборники «Переклички вестников» Сборник № 71. «Белеют страницы старинной тетради»

Выпуск № 1090

Бахыт Кенжеев

И темна, и горька на губах тишина,
надоел её гул неродной –
сколько лет к моему изголовью она
набегала стеклянной волной.

Оттого и обрыдло копаться в словах,
что словарь мой до дна перерыт,
что морозная ягода в тесных ветвях
суховатою тайной горит.

Знать, пора научиться в такие часы
сырый воздух дыханием греть,
напевать, наливать, усмехаться в усы,
в запылённые окна смотреть.

Вот и дрозд улетает – что с птицы возьмёшь.
Видишь, жизнь оказалась длинней
и куда неожиданней смерти. Ну что ж,
начинай, не тревожься о ней.

Давид Самойлов

Неужели всю жизнь надо маяться!

А потом

от тебя

останется –

Не горшок, не гудок, не подкова, –

Может, слово, может, полслова –

Что-то вроде сухого листочка,
Тень взлетевшего с крыши стрижа
И каких-нибудь полглоточка
Эликсира,
    который – душа.

Выпуск № 1234

Лариса Миллер

Несовпадение, несовпадение.
О, как обширны земные владения,
О, как немислима здесь благодать.
Как ненавязчиво Божье радение,
Сколько причин безутешно рыдать.
Жаждешь общения – время немотное.
Жаждешь полёта – погода нелётная.
Жаждешь ответа – глухая стена,
Воды стоячие, ряска болотная,
Да равнодушная чья-то спина.
Что ж остаётся? Смириться да маяться,
Поздно прозреть, с опозданием раскаяться...
Вечный зазор меж тогда и теперь...
Кто-то к снесённому дому кидается,
Ищет в отчаяньи старую дверь.

1989

Бахыт Кенжеев

Доживать, ни о чём не жалея,
даже если итогов (прости!)
кот наплакал. В дождливой аллее
лесопарка (две трети пути
миновало) спрягаешь глаголы
в идеальном прошедшем. Давно

в голове неуютно и голо,
о душе и подумать смешно.
Дым отечества, чёрен и сладок,
опьяняет московскую тьму.
Роща претерпевает упадок.
Вот и я покоряюсь ему.

Хорошо бы к такому началу
приписать благодушный конец,
например, о любви небывалой,
наслаждении верных сердец.
Или, скажем, о вечности. Я ли
не строчил скороспелых поэм
с неременной моралью в финале,
каруселью лирических тем!
Но увы, романтический дар мой
слишком высокомерен. Ценю
только вчуже подход лапидарный
к дешевизне земного меню.

Любомудры, глядящие кисло,
засыхает трава-лебеда.
Не просите у осени смысла –
пожалейте её, господа.
Очевидно, другого подарка
сиротливая ищет душа,
по изгибам дурацкого парка
сердцевидной листвою шурша,
очевидно, и даже несложно,
но бормочет в ответ: "не отдам"
арендатор её ненадёжный,
непричастный небесным трудам.

Выпуск № 1248

Мария Петровых

Пусть будет близким не в упрёк
Их вечный недосуг.

Со мной мой верный огонёк,
Со мной надёжный друг.

Не надо что-то объяснять,
О чём-то говорить, —
Он сразу сможет всё понять,
Лишь стоит закурить.

Он скажет: «Ладно, ничего», —
Свеченьем золотым,
И смута сердца моего
Рассеется как дым.

«Я всё же искорка тепла», —
Он скажет мне без слов, —
Я за тебя сгореть дотла,
Я умереть готов.

Всем существом моим владей,
Доколе ты жива...
Не часто слышим от людей
Подобные слова.

1967

Бахыт Кенжеев

...длись же, иночество, одиночество,
безответное, словно река,
пусть отчизна по имени-отчеству
окликает меня, далека,
всё, чем с детства владею, не властвуя,
пусть, приснившись, исчезнет скорей,
осыпаясь вокзальной астрою
в толчее у вагонных дверей, —

я ни с чем тебя не перепутаю —
сколько юности плещется там! —

пролети электричкой продутою
по остывшим чугунным путям,
хоть в Мытищи, хоть в Ново-Дивеево –
всё уладится, только не плачь –
к отсыревшему серому дереву,
к тишине заколоченных дач,

и лесным полумесяцем, заново
расплетая кладбищенский лён,
над изгибом пути окаянного
покаянным пльиви кораблём, –
только уговори, уведи меня,
подари на прощание мне
свет без возраста, голос без имени,
золотистые камни на дне...

Выпуск № 807

Мария Петровых

Всю ночь – страданье раскалённое,
О, совесть, память, жаркий стыд!..
Чуть голубое, чуть зелёное,
Тот жар лишь небо остудит.
И ни к чему глотать снотворные,
От горькой одури слабеть...
Смирись, покуда небо чёрное
Не станет тихо голубеть.

1975

Бахыт Кенжеев

В дому, построенном тобой,
всю ночь гудит нагой –
голубоватый, голубой –
непрощеный огонь,

в твоём доме, как вещей знак,
сосновая доска
скрипит, и шуруется сквозняк
чужого языка...

Ах, хватит высохшей скрипеть,
трещать, на помощь звать.
Хотелось жить, хотелось петь,
мурлыкать, напевать.

Но ускользящая речь,
покинув спящий дом,
ржавеет, что булатный меч
на дне, на дне речном...

Ну кто там буйствует, стучит
в закрытое окно –
одно лишь небо, словно щит,
бессильному дано...

Выпуск № 1082

Лариса Патракова

Дождь без конца и без начала,
Весь месяц небо грозное...
Все девять этажей ночами
Казались мне ковчегом Ноя.

Собаки, дети, старики –
Их сон я слышу слухом птицы,
Макулатурных книг страницы,
Надежды, тайны, небылицы,
Заботы, горести, стихи...

Перечислять не хватит сил
И список обернётся страшным:

Стоглазой ослеплённой башней
Сквозь дождь к спасенью дом уплыл...

И не кончается дорога
В открытом бурном океане:
Мы нужного забыли много –
Не нужного на всех достанет.

Дождь без конца и без начала,
Весь месяц небо грозное...
Все девять этажей ночами
Казались мне ковчегом Ноя.

Бахыт Кенжеев

Была ли первая, настанет ли вторая –
так повторять, полжизни отворяя
замок промёрзший (помнишь этот скрип?
И оттепель, и гулкий крик вороний?
Стоял февраль в вольфрамовой короне,
заиндевели ветви чёрных лип,

отлиты в кристаллическом металле,
безгласные, томились и шуршали,
метель шумела, помнишь?), двадцать лет
спустя, не убиваясь, не ревнуя,
тугую ручку повернуть дверную –
поставить чай, включить настольный свет

и вслух, стесняясь русского акцента,
прочесть статейку в «Тайме», где проценты
подсчитаны: едва не шестьдесят
из ста американцев верят свято,
что в воздухе – юны, подслеповаты,
голубоглазы – радостно висят

как бы игрушки с ёлки новогодней,
но – ангелы, прислужники Господни,

прекрасен снег рождественский на их
больших крылах, безгрешно и легко им,
но лишь один, угрюм и недостоин,
в вечерний час к душе моей приник.

Двоякодышащий, незрячий, брюхоногий,
он в полусне, в бездейственной тревоге
на дне морском лежит наедине
с бессмертием постылым, раскрывая
тугие створки, молча созывая
друзей своих в подспудной тишине.

Не человек, не полубог, не птица –
нет у него надежды откупиться
от вечной казни, сини, белизны
неутомимых волн над головою,
в иной среде, где воздух и живое
движение, где светлые сыны

эфира молодого – белой стаей
играют в небе – падая, взлетая,
и среди них, смеясь, его двойник,
летучее распластывает тело,
и в воронёной прорези прицела
трепещут – крылья каждого из них.

Выпуск № 647

Лариса Миллер

Всё уходит. Лишь усталость
Не ушла. Со мной осталась.
Стали в тягость встречи, сборы,
Расставанья, разговоры,
Страдный день и вечер праздный,
Свет и сумрак непролазный,

В тягость шорох за стеной,
В тягость крылья за спиной.

1972

Давид Самойлов

При дожде

О, так это или иначе,
По чьей неизвестно вине,
Но музыка старой удачи
Откуда-то слышится мне.

Я так её явственно слышу,
Как в детстве, задувши свечу,
Я слышал, как дождик на крышу
Играет всё то, что хочу.

Такое бывало на даче,
За лето по нескольку раз.
Но музыку старой удачи
Зачем-то я слышу сейчас.

Всё тот же полуночный дождик
Играет мне, что б ни просил,
Как неутомимый художник
В расцвете таланта и сил.

Лариса Патракова

Теперь – не умереть. Всё остальное
Уже случилось. Встать, ходить по дому
И знать, что я с дороги возвратилась.
И зёрна в угол сыпать домовому.

Просить прощенья: загостилась очень
В таких далёких сказочных пределах,
Где вечно – утро, не бывает ночи,
Иль просто я её не разглядела.

Там песни птиц полны чудесной силы,
Там знала я священный дар покоя...
С такой надеждой чуда я просила,
Но я его, наверное, не стою.

Так загоститься – и теперь украдкой
Дышать учиться и ходить по дому.
С надеждой ночью открывать тетрадку
И зёрна в угол сыпать домовому.

Выпуск № 989

Юлий Даниэль

Подари мне незнакомый город,
Чтобы стал я сильным и счастливым,
Подари мне город на рассвете,
Вымытый ночным коротким ливнем.

Обмани меня, что длится лето
И что нам не надо торопиться,
Покажи, как мягким светом льётся,
Отражаясь в лужах, черепица.

Подари мне запах тёплой хвои,
Старых стен иноязычный говор,
Улочки, мощённые камнями,
Бурых башен простодушный гонор.

Подари – чтоб он при нас проснулся,
Город за оконной занавеской,
Чтоб могли мы вместе любоваться
Статью горожанок деревенской.

Чтобы уши, и глаза, и ноздри
Утолили многолетний голод –
Подари мне город на рассвете,
Подари мне незнакомый город.

Бахыт Кенжеев

Не горюй. Горевать не нужно.
Жили-были, не пропадём.
Всё уладится, потому что
на рассвете в скрипучий дом,

осторожничая, без крика,
веронала и воронья,
вступит муза моя – музыка
городского небытия.

Мы неважно внимали Богу –
но любому на склоне лет
открывается понемногу
стародавний её секрет.

Сколько выпало ей, простушке,
неостребованных наград.
Мутный чай остывает в кружке
с синей надписью «Ленинград».

И покуда зиме в угоду
за простуженным слоем слой
голословная непогода
расстилается над землёй,

город, вытертый серой тряпкой,
беспокоен и нелюбим –
покрывай его, ангел зябкий,
чёрным цветом ли, голубым, –

но пройдишь штукатурной кистью
по сырым его небесам,
прошлогодним истлевшим листьям,
изменившимся адресам,

чтобы жизнь началась сначала,
чтобы утром из рукава
грузной чайкою вылетала
незабвенная синева.

Выпуск № 870

Лариса Патракова

Не суди, приятель другого:
Сам споткнёшься и в тот же час
Бумерангом вернётся слово –
Твой поспешный и злой приказ.

Неужели тебе понятна
Жизнь чужая? Чужая боль?
Не старайся и не глаголь
О чужом легко и невнятно.

Ни к чему тебе лишний стыд,
Когда сам ты, сильный и гордый,
Будешь камнем похожим сбит
Иль захлестнут петлёй на горле.

Вслед тебе столько вскинут глаз,
Набормочут такого в уши!
Не суди другого сейчас,
И другого потом не слушай.

Бахыт Кенжеев

Полжизни пройдёт в романтических ссорах
с судьбою, да в водке с мороза,
когда и тебе перевалит за сорок –
рассеются поздние слёзы,

и молвишь: довольно, служения ради,
испытывать грешное тело...
Белеют страницы старинной тетради.
Белы монастырские стены.

Что ж – отголосили слова, отолгали,
стекает росой по оврагу
бесшумное время расчёта с долгами
за уголь, свинец и бумагу.

А воздух, похожий на воду речную,
течёт – безоглядный, лиловый, –
покуда молчишь, свою гордость ревнуя
к непрочности шёлка земного.

Лишь изредка вдруг пролепечешь на русском
наречии – хриплом, упорном –
о хрупкости, недолговечности, узком
луче между алым и чёрным.

И был ты писатель, а стал ты проситель,
как нищий у Божьего храма.
Простой человек, муравьиный строитель
любви из подручного хлама.

Юлий Даниэль

Вспоминайте меня, я вам всем по строке подарю.
Не тревожьте себя, я долги заплачу к январю.
Я не буду хитрить и скулить, о пощаде моля,
Это зрелость пришла и пора оплатить векселя.

Непутёвый, хмельной, захлебнувшийся плотью земной,
Я трепался и врал, чтобы вы оставались со мной.
Как я мало дарил! И как много я принял даров
Под неверный, под зыбкий, под мой рассыпавшийся кров.

Я словами умел и убить и влюбить наповал,
И, теряя прицел, я себя самого убивал.
Но благая судьба сочинила счастливый конец:
Я достоин теперь ваших мыслей и ваших сердец.

И меня к вам влечёт, как бумагу влечёт к янтарию.
Вспоминайте меня – я вам всем по строке подарю.
По неловкой, по горькой, тоскою пропахшей строке,
Чтоб любили меня, когда буду от вас вдалеке.

Выпуск № 474

Лариса Патракова

Однажды настигает, как потеря –
Всё уже было: этот светлый день,
Слова, которым обречённо верю,
Деревьев наземь сброшенная тень...

Чужая память настигает страшно
Иль кто-то дальний прожил за меня,
А я сегодня – чей-то день вчерашний,
И ничего уже не поменять.

Анна Ахматова

Земной отрадой сердца не томи,
Не пристражайся ни к жене, ни к дому,
У своего ребёнка хлеб возьми,
Чтобы отдать его чужому.

И будь слугой смиреннейшим того,
Кто был твоим крошечным супостатом,
И назови лесного зверя братом,
И не проси у Бога ничего.

1921

Лариса Миллер

Поля в вечерней позолоте.
День кончится на тихой ноте,
Единственной из тех семи,
Что всем известны. Не томи,
Звучи, и пусть в последнем звуке
Живёт предчувствие разлуки,
Любовь, сходящая на нет,
И близость ночи, и рассвет.

2005

Выпуск № 697

Лариса Миллер

Всё предстоит, лишь предстоит.
И этот путь ещё не начат.
И в нас еще ничто не плачет,
Не стонет, душу не томит.
Покуда где-то вдалеке
То, с чем немислима разлука,
Из тех краев пока ни звука.
И мы легки и налегке.
И никаких не знаем уз,
И никаких не знаем тягот

Из тех, что нам на плечи лягут,
Наш с миром сим скрепив союз.

...К такой поре, к тем давним нам
Теперь испытываю зависть:
Тогда лишь предстояла завязь
И чаша лишь плыла к губам.
А нынче пьём и жаль глотка,
Поскольку не бездонна чаша,
И бесконечно коротка
Превратная дорога наша.

1971

Бахыт Кенжеев

Над огромною рекою в неподкупную весну
книгу ветхую закрою, молча веки разомкну,
различая в бездне чудной проплывающий ледок –
сине-серый, изумрудный, нежный, гиблый холодок,

Дай пожить ещё минутку в этой медленной игре
шумной крови и рассудку, будто брату и сестре,
лёд прозрачнее алмаза тихо тает там и тут,
из расширенного глаза слёзы тёплые бегут.

Я ли стал сентиментален? Или время надо мной
в синем отлито металле, словно колокол ночной?
Время с трещиною мятной в пересохшем языке
низким звуком невозвратным расцветает вдалеке.

Нота чистая, что иней, мерно тянется, легка –
так на всякую гордыню есть великая река,
так на кровь твою и сердце ляжет тощая земля
тамады и отщепенца, правдолюбца и враля.

И насмешливая дева, темный спрятав камертон,
начинает петь с припева непослушным смерти ртом,

и, тамбовским волком воя, кто-то долго вторит ей,
словно лист перед травой в небе родины моей.

Выпуск № 147

Мария Петровых

Я живу, озираясь,
Что-то вспомнить стараюсь –
И невмочь, как во сне.
Эта злая работа
До холодного пота,
Видно, впрямь не по мне.
Но пора ведь, пора ведь
Что-то разом исправить
Распрямить, разогнуть...
Голос тихий и грозный
Отвечает мне: поздно,
Никого не вернуть.

Я живу, озираясь,
Я припомнить стараюсь
Мой неведомый век.
Всё забыла, что было,
Может, я и любила
Только лес, только снег.
Снег – за таинство света
И за то, что безгласен
И со мною согласен
Тишиною пути,
Ну а лес – не за это:
За смятенье, за гомон
И за то, что кругом он,
Стоит в рощу войти...

Лариса Миллер

Шито белыми нитками наше житьё.
Посмотри же на странное это шитьё.
Белой ниткой прошиты ночные часы.
Белый иней на контурах вместо росы.
Очевидно и явно стремление жить
Не рывками, а плавно, не дёргая нить.
Шито всё на живульку. И вечно живу,
Опасаясь, что жизнь разойдётся по шву.
Пусть в дальнейшем упадок, разор и распад.
Но сегодня тишайший густой снегопад.
Белоснежные нитки прошили простор
В драгоценной попытке отсрочить разор,
Всё земное зашить, залатать и спасти,
Неземное с земным воедино свести.

1976

Выпуск № 367

Мария Петровых

Когда молчанье перешло предел –
Кто гибели моей не захотел?..
Подходит и трясёт меня за плечи:
«Опамятуйся, пробудись, очнись,
Верни себе свой облик человеческий,
Почувствуй глубину свою и высь,
Верни себе великое наследство,
Сознание твоих врождённых прав,
И безоглядное любвеобилье детства,
И юности непримиримый нрав».

1975

Лариса Патракова

Сто одиночеств разных, но моих,
Непонятых, тревожных и печальных,
Являются из тьмы смертельно дальней,
А стол я накрывала на двоих...

И плеск в прихожей их священных крыл,
Как шум оркестра перед первой нотой,
Зуд пчёл, целующих пустые соты:
Сейчас он грянет, тайной жизни пир...

И я в душе благословляю всех
Моих поводырей в скитаньях вечных –
Теперь, когда свободна, не отречься:
В ста зеркалах идёт вчерашний снег...